РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИЦИСТЫ И ПУБЛИЦИСТИКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

И.В. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kafedra339@mail.ru

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В своей статье автор очертил круг выдающихся писателей и публицистов, которые заложили фундамент советской публицистики, представили всю палитру публицистических жанров. Так, первые годы Советской России представлены произведениями А. Серафимовича, Л. Сосновского, Л. Рейснер, В. Шишкова, Д. Фурманова, М. Булгакова, А. Платонова, М. Шолохова. В 1918—1920-е гг. большинство очеркистов и фельетонистов, будучи фронтовыми корреспондентами центральных и местных газет, писали правдивую летопись Гражданской войны. Центральное место в статье отводится одному из самых известных публицистов этого периода — Л. Сосновскому, который выступал с материалами о людях революции, героях-строителях первого в мире Советского государства и его стремительно менявшемся облике.

Ключевые слова: *советская публицистика, публицисты, большевики, революция, Гражданская война, Сосновский.*

In the article the author has outlined a circle of outstanding writers and publicists who have laid the foundation for the Soviet publicism and have presented all palette of publicistic genres. The first years of the Soviet Russia are presented by texts of A.Serafimovich, L. Sosnovsky, L. Rejsner, V. Shishkov, D. Furmanov, M. Bulgakov, A. Platonov, M. Sholokhov. In 1918-1920th the majority of essayists and feuilletonists, being front-correspondents of the central and local newspapers, wrote truthful chronicle of Civil war. The central place in this article is given to one of the most famous publicists of the period — L.Sosnovsky who wrote a lot about people of revolution, heroes-builders of the first Soviet state and its rapidly changing shape.

Key words: *soviet publicism, publicists, Bolsheviks, Russian revolution, Civil war, Sosnovsky.*

Первые годы Советской России представлены произведениями таких выдающихся публицистов, как А. Серафимович, Д. Фурманов, М. Булгаков, Л. Сосновский. Заслуживают также внимания очерки В. Шишкова, А. Платонова и других. Примечательны публиковавшиеся в «Правде» «Смоленские письма» В. Шишкова, в которых немало интересного о возрождении культурной жизни в Смоленске, о работе Дома крестьянина, в котором разместились сельскохозяйственный музей, редакция крестьянской газеты «Смоленская деревня». Там читались лекции по ветеринарии, другим

актуальным проблемам сельского хозяйства, и все желающие могли получать советы по земельно-правовым вопросам.

В 1918—1920 гг. в губернских газетах «Воронежская коммуна» и «Красная деревня» регулярно появлялись статьи, очерки, фельетоны А. Платонова. Его очерки «Душа мира» («Красная деревня», 1918, 18 июля), «Герои труда» («Воронежская коммуна», 1920, 7 ноября) звучат гимном женщине-матери, людям труда. страстным призывом беречь природу. «Женщина и мужчина, — читаем в очерке "Душа мира" — два лица одного существа — человека: ребенок же является их общей вечной надеждой. Некому кроме ребенка передать человеку свои мечты и стремления, некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому кроме ребенка».

В эти годы началась публицистическая деятельность Михаила Шолохова: в «Юношеской правде» (одно из названий «Московского комсомольца») были напечатаны его фельетоны «Ревизор», «Испытание», рассказ «Родинка». Надо отметить, что большинство из выдающихся очеркистов и фельетонистов в те годы были фронтовыми корреспондентами центральных и местных газет. В статье «Корреспондент "Правды"» А. Серафимович вспоминает: «Тяжкая осень восемнадцатого года. На Восточном фронте Красная армия с переменным успехом билась с Колчаком, с чехословаками. С фронта систематических известий не было. Что доходило оттуда — было отрывочно, случайно. "Правда" первой эту "линию" попыталась выправить и послала меня на Восточный фронт»[1].

Первый очерк Серафимовича «В теплушке» появился в «Правде» 1 января 1918 г. В этом же году были опубликованы очерки «Политком», «На позиции», «Только уснуть» и др. Главное достоинство военной публицистики А. Серафимовича в том, что в его очерках не было «выдумки», ужасы войны представали во всей правдивости так ярко, что некоторые его очерки, как заметил А. Луначарский, «больно читать».

Такой же правдивой летописью боев стала публицистика Д. Фурманова, являвшегося в марте—августе 1919 г. военным комиссаром 25-й Чапаевской дивизии. Естественно, больше всего очерков писатель посвятил В.И. Чапаеву, М.В.Фрунзе и другим героям Гражданской войны. В связи с героической гибелью В.И. Чапаева в начале октября 1919 г. была выпущена листовка «Памяти героя пролетарской революции и полководца красноармейцев Василия Ивановича Чапаева», которая представлена и очерками Д. Фурманова «Чапаев», «Последние часы Чапаева», «Воспоминания о Чапаеве». В них особо отмечено, что не было случая, чтобы Чапаев-

[1] *Серафимович А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 3. С. 213—214.

ская дивизия отступила в бою или была разбита, что всю свою боевую жизнь Чапаев горел как костер; все искал, все стремился куда-то, все стремился вперед и погиб, как подобает честному революционеру: с оружием в руках, весь пробитый вражескими пулями. Наблюдавший Чапаева в самой различной обстановке в течение многих месяцев, писатель заключал: «Это был замечательный самородок: красивый, яркий и самобытный. С Чапаевым можно было уставать, с ним можно было исстрадаться, но никогда не могли бы вы с ним заскучать. Это был удивительно живой человек»[2].

Значительное место в публицистическом наследии Д. Фурманова занимает очерковый цикл о М.В. Фрунзе: «Первая встреча» (Правда, 1925, 5 ноября), «Как собирался отряд» (журн. «Красноармеец», 1925, 79), «Последний вечер» (журн. «Красная новь», 1925, 10), «Встреча в Уральске» («Красная звезда», 1925, 5 ноября), «Фрунзе под Уфой» («Правда, 1925, 13 ноября), «Весть о его смерти» (журн. «Комсомолия», 1925, 8). Все эти очерки, опубликованные в год смерти полководца, воссоздавали не только образ человека беззаветной храбрости, героя, но и «прекрасного, редкостного человека с мудрой головой и с детским сердцем», любившего какой-то особенной нежной любовью свой северный Иваново-Вознесенский край.

Запомнились читателям и многие другие очерки военных корреспондентов, например, Ларисы Рейснер. Писательницу Рейснер невозможно отделить от Рейснер-бойца Волжской флотилии, автора цикла очерков «Фронт», публиковавшихся в годы Гражданской войны в газете «Известия» под постоянными рубриками «Письма с фронта» и «Письма с Восточного фронта», изданные в 1924 г. отдельной книгой.

Рассказы и очерки военных корреспондентов, ярко запечатлевшие важнейшие события на Восточном, Южном и Западном фронтах, — правдивая летопись Гражданской войны. И в этом их непреходящее значение.

Среди самых известных публицистов в годы Гражданской войны нельзя не выделить Л. Сосновского. Он, можно сказать, единственный, выступавший почти ежедневно с 1918 г. в «Правде» с материалами о героях-строителях первого в мире Советского государства. Для хозяина-строителя время у нас до сих пор не доходило, отмечал он в 1920 г. в очерке «Строители России», так как Борец оттеснял строителя. Но тут же он замечал, близится время, когда строительству откроется широкий, необъятный простор. «Здесь-то наши бесчисленные строители проявят свой коллективный строительный гений и покажут прежним беспутным господам, каким цветущим,

[2] *Фурманов Д.* Незабываемые дни. Л., 1983. С. 84—85.

дивным садом может стать и станет загаженная прежними хозяевами убогая и обильная наша Русь»[3].

Начиная с 1918 г. Сосновский писал исключительно о новых строителях России. В «Правде» год за годом появляются его очерки: «Городок Окуров», «Две улицы», «Лампочка», «Великий город», «День 1 мая в Кремле», «Мастер Клюев», «Студентка», «Смагин» и многие, многие другие.

Анализируя публицистику Л. Сосновского о первых достижениях социалистических преобразований Советской России, следует особо выделить очерки «Городок Окуров» и «Две улицы», опубликованные в 1918 г. Не прошло и года после Октябрьской революции, подчеркивает Сосновский, как Окуров стал «честным советским городом». Ко дню октябрьской годовщины он порадовал нас книжкой, которая называется: «Год с винтовкой и плугом».

Собственно книжка издана в городе Весьегонске Тверской губернии местным уездным совдепом, акцентирует внимание читателей публицист, но при ближайшем ознакомлении оказалось, что Весьегонск, пожалуй, и есть Окуров. Весьегонск — типичнейший уездный городок, каких в России великое множество. Поэтому всякий, кто хочет получить представление о жизни рядового городка российской республики за год советской власти, пусть прочтет книжку Д. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Вы пожалеете, читатель, если не купите эту книжку, утверждает автор, Она издана прилично, написана увлекательно, живо, снабжена документами, цифрами и, может быть, является единственным пока, цельным, сильным очерком, подводящим итоги годовой работы с винтовкой и плугом.

Когда он прочел эту книжку, признается Сосновский, ему захотелось побольше узнать об этих строителях новой жизни и даже посмотреть на фотографии пионеров коммунизма в глухой провинции «Я обратился к тов. Тодорскому с письменной просьбой прислать какие только можно фотографии из местной жизни. Он любезно прислал большую пачку фотографий, изображающих отдельные моменты весьегонского быта (открытие памятника — бюста Марксу на площади Весьегонска, детская манифестация, октябрьские юбилейные торжества и т.п. Но самое ценное и интересное во всем присланном — это фотографии наиболее видных ответственных работников исполкома. Достаточно было взглянуть на эти лица, чтобы сразу проникнуться доверием к судьбам русской революции. «Окуровский быт семимильными шагами мчится к коммунизму»[4], — заключал он.

---

[3] Правда. 1920. 7 нояб.

[4] Там же. 1918. 27 дек.

О том, как быстро менялся облик Советской России, впечатляюще показано в очерке «Две улицы». Под этим заглавием у Сосновского два очерка: «Улица 11 мая» и «Улица бедноты».

«Случай занес меня в Воронеж, — читаем в первом. — Там сразу в глаза бросились свеженькие, чистенькие вывески названий улиц. Старое название “Дворянской улицы” сменилось “Проспектом Революции”. Всякие Жандармские, Полицейские, Архиерейские улицы уступили место улицам: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Плеханова, Добролюбова, Комиссаржевской, других. Воронежцы отдали дань также и дням революции. Там есть улицы: 27-го февраля, 25-го октября, дней великих революционных битв и побед русского народа.

Но вот одно название, — акцентирует внимание читателей автор, — заставило меня погрузиться в размышление. Это — “Улица 11-го мая”.

Напрасно напрягал я свою память, стараясь припомнить, какое событие произошло 11-го мая. Перебрал все годы революции и не мог вспомнить ничего, сколько-нибудь подходящего. А воронежцы на первый мой вопрос сразу ответили: “11-го мая? Как же! В этот день мы разогнали Городскую Думу”».

Я немало удивился, — читаем в очерке, — неужели разгон Думы — достаточно большое событие, чтобы отмечать его названием улицы. Но когда он поговорил несколько подробнее, познакомился с жизнью Воронежа, то ему стало ясно, что день 11-го мая достаточно памятный и значительный в жизни города. Более того, он является переломом для двух эпох в развитии революции.

Что было в Воронеже до 11-го мая?

Из очерка узнаем, что после октябрьского переворота в городе существовал Губернский Совет, а рядом с ним и Городская Дума, сплошь состоящая из правых эсеров. Губернский Совет занимался строительством новой жизни, а Городская Дума собирала контрреволюционные заседания, давала приют всяким белогвардейским организациям, выносила громовые резолюции против Совета.

Вокруг Городской Думы группировалась вся интеллигентская и обывательская реакция. Одновременно в Воронеже выходили эсеровские и просто — буржуазные газеты, заседала какая-то беспартийная, якобы, «рабочая» конференция, которая буквально глумилась над Октябрьской революцией.

«Не знаю, как долго продолжалось бы сожительство революции и контрреволюции в Воронеже, если бы Городская Дума не была своевременно разогнана, — заключает автор, — и поэтому воронежцы имеют полное право назвать одну из самых красивых в городе, “Улицей 11 мая”»[5].

[5] Там же. 18 окт.

О быстром преобразовании после Октябрьской революции Воронежа публицист рассказывает и в очерке «Улица бедноты».

Работа по благоустройству во всех крупных городах мира идет по одному плану, неоднократно отмечает он. Все для центра и почти ничего для окраин: мостовые, освещение, канализация, водопровод, скверы, театры, кинематографы, читальни — все в центре, а рабочие кварталы трудовых окраин остаются неосвещенными, малопригодными для жизни. И справедливо замечает, что только пролетарская власть способна поставить на новых началах работу по городскому благоустройству. Опыт товарищей, ставших в Воронеже у руля городского хозяйства со 2-го мая этого года показывает, в каком направлении пойдет городское благоустройство в Советской республике.

Воронеж — типичный российский провинциальный город, неоднократно отмечает он. Пройдитесь по главной улице, которая до 2-го мая называлась «Большой Дворянской»... Приличные мостовые, асфальтовые тротуары; на тротуарах — аллеи деревьев. Ночью горят фонари. Во всех домах телефоны. Прекрасные здания, магазины, театры, кинематографы, клубы, — все, что только может понадобиться культурным, богатым слоям населения.

А в двух шагах от этого «напомаженного» центра города — вопиющая грязь, кромешная тьма и буквально первобытная азиатская слобода. «Я даже не знаю, — пишет Сосновский, — как называется эта злополучная слободка — Чижовка или как-нибудь иначе. Знаю только, что это — причудливый извилистый овраг, спускающийся вниз. С незапамятных времен на берега этого оврага почтенные воронежцы свозили несметное количество навоза. Это была дань центра окраинам. Это было все, что получили окраины от центра. И на вековых пластах навоза сиротливо приютились убогие хибарки ремесленников, извозчиков, мелких торговцев — вообще людей черной кости. Само собой разумеется, ни электрического освещения, ни водопроводов, ни мостовых, ни школ или театров, ничего на этой окраине не было. Здесь сохранился, как в музее, “кусочек пещерного века”»[6].

И вот в один прекрасный день на этой окраине появились новые отцы города — большевики, из городского Совета. Пришли, измерили, прикинули глазом, запечатлели на фотографической пластинке эту диковинную страну и принялись за работу. Уничтожили горы навоза, засыпали, закопали глубокие овраги. Из причудливо нагроможденных закоулков сделали прямую улицу, принялись ее мостить.

Товарищи предполагают сделать на этой улице все, что есть нового в области замощения. Устраивают по последнему слову техники

[6] Там же.

канализационные приспособления, ставят электрические фонари, водопроводные краны, разбивают скверы. И последняя мечта товарищей — это добыть в Москве памятник Марксу, который они поставят на «Улице Бедноты».

Душа и затейник всего этого дела, товарищ Богуславский, с необыкновенной любовью рассказывает о своих планах дальнейшего устройства этой «Улицы Бедноты». Они хотят сделать эту улицу самой лучшей во всем Воронеже. Все, что только можно в нынешних обстоятельствах, они собираются сделать для того, чтобы показать старому миру, как может устраивать свою жизнь победивший пролетарий.

Мечта воронежцев — закончить все работы на «Улице Бедноты» к 25 октября (7 ноября), дню годовщины Октябрьской революции, и торжественным шествием провести воронежских рабочих по новой «Улице Бедноты».

Воронежские большевики могут спокойно и с законной гордостью сказать, — заключает Сосновский, — что они оставили о себе прочный памятник. Таким памятником навсегда останется «Улица Бедноты», в несколько месяцев выросшая на оврагах и протянувшаяся в виде укора по направлению к центру.

Если бы в каждом городе появилось по одной такой «Улице Бедноты» в такой же короткий срок, Россия переродилась бы в ближайшее десятилетие, и никакие статьи не могли бы лучше убедить этих людей в добродетелях коммунистов, чем проведение «Улицы Бедноты». В городской Совет доставлено много благодарственных и приветственных резолюций от обывателей с новой «Улицы Бедноты».

Вот как на конкретных примерах надо агитировать за советскую власть», — так заканчивает свой очерк Сосновский.

Весьма обширный цикл очерков у Сосновского о людях революции. «Трехлетнее существование Советской Республики, ее оборонительная борьба против всех объединенных сил старого мира, — отмечает он в одном из очерков, — представляется многим настоящим чудом. И, может быть, не столько нам, сколько нашим иностранным товарищам захочется поближе всмотреться в образы тех людей, которые строили это чудо-Республику. О Ленине, Зиновьеве, Свердлове и других писали много и былей и небылиц, но очень мало о рядовых строителях. И мне хочется к трехлетней годовщине советской власти извлечь из своих встреч и впечатлений несколько портретов рядовых строителей Советской России. Предупреждаю: это не гениальные, не исключительные, это средние, уездные работники, на которых держится партия и советская власть».

Одним из первых таких строителей он называет уральского рабочего Ивана Кутасова, которого, замечает автор, уже нет в живых. «Год тому назад, — читаем в очерке “Строители России”[7], — пришел ко мне один человек, спасшийся от колчаковской виселицы, и рассказал, что он вместе с Кутасовым и другими пережил в колчаковской тюрьме муки предсмертного томления. Кутасов и другие получили смертный приговор военно-полевого суда. Им оставалось жить несколько часов, но они даже в эти минуты думали о будущем своего Урала. Обращаясь к товарищам по камере Кутасов говорил: “Когда Урал снова станет свободным и когда вернутся на Урал старые уральские партийные работники, разыщите товарища Сосновского и передайте ему, что я, умирая, ни на одну минуту не сомневаюсь: наше дело победит. Привет всем уральским товарищам по борьбе”. Кутасов был одним из достойнейших рабочих, с богатейшими задатками строителя, организатора, смелого, отважного. Он был схвачен Колчаком с оружием в руках и погиб, защищая дело рабочего класса».

Столь же проникновенно написаны очерки и о рядовых строителях Советской России: «Красные директора», «Не он ли лучший», «Мастер Клюев», «К делу Кузнецова», «Смагин», «Сима Дерябина», «Памяти смелого изобретателя», «Студентка», «Красная директорша товарищ Чекмазова» и многие другие.

О мастере Клюеве Сосновский пишет: «Пробовали не раз заменить мастера Клюева то инженером, то привозным мастером с более цивилизованной внешностью, но начнут трубы лить — 80 процентов в брак идет. Приходилось снова Савелия Никифоровича Клюева звать. Возьмется за дело — никакого брака»[8].

«Вопиющая нелепость, читаем в очерке, что такие Клюевы остаются неизвестными, заброшенными. Святая обязанность профсоюзов — собирать сведения о заслуженных героях труда, выработать способы чествования и вознаграждения их за заслуги перед народом. Недавно мы читали, — отмечает Сосновский, — как чествовалась артистка Ермолова за 50 лет работы на сцене. 50 лет выдающейся работы на сцене дают ей полное право на внимание. Но 52 года работы Клюева у расплавленного металла тоже что-нибудь стоят. В империи Романовых были заслуженные артисты императорских театров. В республике трудящихся будут почетные заслуженные литейщики советских заводов».

С захватывающим интересом читается очерк о рабочем Степанове, который с начала революции стоял во главе Весьегонского уездного исполкома в чисто крестьянском районе. Стоило приглядеться к нему, как невольно вспоминался покойный Яков Михай-

[7] Там же. 1920. 7 нояб.

[8] Там же. 24 октяб.

лович Свердлов. «Та же железная рука, — пишет Сосновский, — железный голос, такое же громадное влияние на всех ближайших и тот же непререкаемый авторитет в глазах всех, с ним соприкасавшихся»[9].

Для рабочих, для крестьян, для интеллигенции имя Степанова означало величайшую справедливость, беспристрастие, непреклонность в борьбе и величайшую внимательность к интересам бедноты.

Степанов являл собою образец хозяина-строителя. Он не только успешно справлялся с текущей работой, объединяя деятельность всех отделов и подотделов, исполкома, он знал решительно все, что делается в различных областях государственной и хозяйственной деятельности уезда и с увлечением разрабатывал план строительства и перерождения жизни родного уезда на новых началах.

Время было тяжелое, голодное, смутное. Приходилось думать о том, как сводить концы с концами, как провести хлебную разверстку, мобилизацию, сбор налога и т.п. Но это не мешало Степанову разрабатывать план широкого благоустройства своего городка, план создания в уезде промышленности, основанной на использовании местных богатств. «Когда вследствие распоряжения высших партийных инстанций Степанов должен был перебраться на губернскую работу, по всему уезду пронесся вопль. Партия и крестьяне готовы были чуть ли не с “оружием в руках” добиваться оставления Степанова в этом городе. Чувствовалось, что с уезда сняли голову и голову незаурядную»[10].

Когда я присматриваюсь ко многим руководителям наших центральных государственных и хозяйственных учреждений, — отмечает Л. Сосновский, — мне совершенно ясно, что такие люди, как Степанов, могут с полным успехом заместить почти любого из них и справиться гораздо успешнее с этим делом.

В отличие от Степанова, олицетворявшего собою твердую руку пролетария-строителя, другой строитель — Панков сочетал в себе черты пролетария и мужичка. От пролетария в нем дисциплина, мужество, выдержка, широкий кругозор. От мужичка — хозяйский глаз, практицизм, житейская мудрость, тонкое знание российского и особенно крестьянского быта. Везде и всюду в первые дни революции внимание руководителей было приковано к проблемам борьбы со старым строем. Но строители, вроде Панкова, с первых же минут занялись хозяйством, собиранием и упорядочением наследства, оставшегося народу. Панков старательно оберегал от разгрома помещичьи усадьбы, собирая лучший скот в советские конюшни и коровники. На людей из класса бывших господ он тоже

[9] Там же. 7 нояб.
[10] Там же.

смотрел хозяйским глазом, соображая, на что бы они могли пригодиться.

Почти с первых дней революции Панков в своем городе дал работу бывшему градоначальнику в канцелярии исполкома, где тот скоро украсил все стены интересными диаграммами и таблицами, которые наглядно демонстрировали все хозяйство уезда и состояние разных отраслей промышленности. Он же пристроил некоего бывшего помещика, хромого гвардейского офицера, потерявшего на войне ногу, в качестве заведующего советскими конюшнями, использовав влечение этого человека к лошадиному спорту и его знания и опыт содержания лошадей.

Другую помещицу- старушку он приспособил к птичьему хозяйству.

Ежедневные доклады бывших господ бывшему рабу о состоянии вверенных им птиц или лошадей заслуживали большого внимания, как кусочек нового быта.

Хозяин — строитель, он ко всякому явлению и подходил с меркой хозяина-строителя — это главное в содержании очерка.

Вот женский монастырь, Для большинства уездных коммунистов, казалось бы, это — просто воронье гнездо, подлежащее разгрому.

Для Панкова это — хозяйственный коллектив с разносторонней громадной производительностью. Это — пчелы, от которых надо прогнать трутней-паразитов.

Мы вместо них устроим коммуну, — заявляют «боевые» коммунисты.

Панков убеждает их организовать в коммуну тех же труженицмонахинь. Во-первых, лучше их и больше их никто не даст нам капустной рассады, овощей, молочных продуктов и ягод. Во-вторых, куда же пойдут эти безродные, одинокие труженицы, состарившиеся здесь на каторжном труде.

Я видел, как у этого крепкого нервами мужика навертывались слезы на глазах, когда он осматривал зловеще-брошенное советское хозяйство или зашелудевший скот коммуны, и как он оживал, рассказывая о встреченных образцовых коммунах.

Не думайте, однако, что этот строитель погряз только в куроводстве и чужд борьбе, — подчеркивает очеркист. — Нет, он может быть беспощадным в борьбе с контрреволюционными восстаниями. Однажды он попал в плен к дезертирской лесной банде, поднявшей восстание. Он был бы уничтожен, так как у него нашли советские мандаты. Но спокойствие, находчивость и знание человеческой психологии его спасли, и он вернулся невредимым, сумев своей агитацией разложить единство настроений.

Мне не хватило бы места, если бы я захотел привести хоть часть моих впечатлений от встреч с этим превосходным мужиком. Как он творил поистине Соломонов суд в запуганных земельно-семейных отношениях нашего диковинного переходного быта! Какой огромный "следовательский" талант пропадает в этом человеке, умеющем двумя-тремя вопросами сломить броню запирательства у опытного преступника, — восхищается автор.

«Мне особенно нравилось, как он, сурово уставив свои строгие глаза в перевязанных веревочкой очках, допрашивает нашкодивших деревенских коммунистов новой формации.

— Разве нас дед Ленин тому учил, чтобы пьянствовать да безобразничать? Разве так коммунисты поступают?»

И в воображении встает образ какого-то нового Ленина. Дед Ленин, патриархальный старый учитель, наставляющий паству, как жить праведной жизнью. «Кто знает, может быть, этот образ понятнее в нашей глухой деревне, чем образ теоретика и вождя с программами и тезисами»[11], заключает Сосновский.

Одним из лучших в цикле «Люди революции» следует назвать очерк «Смагин»: «Умер рабочий Смагин, — так начинается очерк. — Умер скромный беспартийный труженик, пламенный энтузиаст труда и порядка, замечательный самородок. Умер такой подвижный, жизнерадостный, энергичный, толкавший других к работе, к творчеству. Он с первой встречи очаровал меня.

Однажды в редакции "Правды", — вспоминает Сосновский, — Н.И. Бухарин попросил меня познакомиться с неким рабочим Смагиным.

Скоро Смагин был у меня. Высокий малый, неуклюжий, с огромными руками, грубым лицом и замечательными глазами. Главная беда, говорил Смагин, инструкций нет. Обязательно нужны инструкции на всякое дело. Без этого не пойдет Россия. Какие же инструкции, Смагин? Всякие. Допустим, я, Смагин, служу механиком в советской прачечной. Вижу я, что слесарь или истопник не так и не то делает, что следует. Я ему указываю. А он мне отвечает: «Я не хуже тебя знаю». И портит дело. Действительно, так нельзя. Сегодня механиком в прачечной я, дело знающий и любящий. А завтра я умер и вместо меня другой, неопытный механик. Он не знает, как распоряжаться. Надо, чтобы инструкция была.

Какая инструкция?

На каждое дело инструкция. Тогда лучше ли, хуже ли начальник — машина вертится, каждый свое дело знает. Всякого вновь поступающего ознакомить с инструкцией, растолковать. После он будет работать толково и продуктивно. А так у нас одна бестолковщина.

[11] Там же.

Если же мы заведем на всякое дело хорошие инструкции — Россия разбогатеет.

Возьмем хлеб. Дрожжей теперь нет. Хлеб не пекут, а портят в деревне. Изводят муку, а едят черт знает что. Надо напечатать инструкцию, как делать в деревне простейшим способом пригодные дрожжи. Люди будут есть хорошо испеченный хлеб. Меньше болезней, смертей.

Возьмите городскую промышленность. Вот я, Смагин, чумазый рабочий, изобрел топку для нефтяных паровозов. Моя топка экономнее многих других. Ее испытывали специалисты и признали, что она хороша, дает столько-то процентов экономии. Да ходу ей нет. Только на одной дороге она пошла, А почему? Надо издать инструкцию для всех дорог. Раз топка хороша и дешева — сейчас же разослать инструкцию по дорогам».

Заканчивая очерк о фанатике инструкций, Сосновский снова и снова особо отмечает: это большой оригинальный ум, золотые руки и редкой настойчивости характер.

Теперь он умер. Заболел, подвергся операции, перенес ее, но через несколько дней умер.

А перед глазами он стоит живой, подвижный, резко жестикулирующий длинными неуклюжими руками и настойчиво убеждающий:

Уговорите тов. Ленина, чтобы он с Бухариным, и еще с какими-нибудь большевиками устроили ячейку, куда всякий Смагин может прийти со своими предложениями или изобретениями. Знайте: нас, Смагиных, много. Только кликните клич.

И над могилой этого славного чудесного пролетария хочется крикнуть партии:

— Товарищи, берегите Смагиных. Это — лучшее, что есть в народных массах, ее мятущиеся души, ее. Берегите Смагиных, пока они живы. Внимательнее к ним относитесь, окружайте их заботой и поддержкой.

Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя»[12].

Это остается самым главным и сейчас.

Знание богатейшего журналистского опыта своих предшественников может помочь нашим публицистам своим каждодневным нелегким трудом действеннее способствовать дальнейшему развитию России.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[12] Там же. 1921. 20 нояб.